

... Рассмотрим официальную версию [5, 11, 17 и др.].

После смерти Александра здоровье Императрицы продолжало ухудшаться. Казалось, она терзала себя воспоминаниями. 12 апреля князь П.М. Волконский писал Николаю I, что она приказала «переставить походную переноску в ту комнату, где покойный Государь Император скончался; может легко быть, что воспоминание горестного происшествия производит сие действие над Ее Величеством» [5].

Возглавлявший её свиту П.М. Волконский и секретарь Н.М. Лонгинов почти ежедневно извещали об этом Николая I и Марию Фёдоровну. Эти обстоятельства вызвали беспокойство в Зимнем дворце. Николай I, не желая осложнить положение своими указаниями, оставил на усмотрение врачей и свиты время выезда Елизаветы Алексеевны из Таганрога и определение пути следования. Многие деликатные моменты, касающиеся Императрицы, Николай Павлович передавал через П.М. Волконского. Так, 23 декабря 1825 года он сообщал: «Я всё остаюся на прежнем положении и всё уже разрешил и приказал указам. Лонгинов для неё ввезло 250 000 миллион получить будет; сверх того Ораниенбаум и Каменный остров суть наследственные собственности Императрицы, а Царское Село остается по жизни её в её распоряжении; об этом ей не пишу, ибо не знаю и не умею как» (ОР РНБ, фонд И.К. Шальдер, К-37, №16, л. 89).

Весенняя распутица и ежедневные дожди, как сообщал в Петербург Н.М. Лонгинов, заставляли сидеть, «когда погода исправится и устоится дорога». К середине апреля почва обсохла, воздух прогрелся до 18 градусов, и решено было выехать 22 апреля. Состояние здоровья Императрицы вызвало у сопровождающих сомнение в благополучном путешествии, и потому был намечен маршрут: пока до Калуги, куда предполагалось прибыть утром 3 мая. К этому времени там должен была быть и Мария Фёдоровна, спешившая из Москвы навстречу невестке. Однако её таинные силы и трудности пути позволили проехать лишь к 8 часам вечера подойти к последней остановке, за 90 вёрст перед Калугой – Белёв. Здесь, в доме, отведенном для ночлега, на своей походной кровати под утро тихо скончалась Елизавета Алексеевна. Мария Фёдоровна прибыла в Белёв на несколько часов позже... [6, 9 и др.].

Конкретных медицинских сведений о заболеваниях Елизаветы Алексеевны нет. С первых же лет пребывания в России о ней сложилось впечатление как о болезненной, слабой здоровьем женщине. Об этом пишут многие известные мемуаристы и исследователи [3, 4, 11 и др.]. Возможно, этому способствовали высокий для женщины рост в сочетании с подбрюшной худощавостью (астенический тип телосложения, как об этом принято говорить медицинским языком).

У Елизаветы Алексеевны на щеках часто появлялись тёмно-красные пятна, то ли от расширения капилляров, хорошо видимых под тонкой кожей, то ли в результате употребления неудачных пригиршай. Возможно, это была какая-то болезнь, например, розacea, нередкая у светловолосых и светкокожих людей. Частые простудные заболевания свидетельствовали о слабости иммунитета (защитных сил организма) перед угрозой инфекций. Несколько тяжело протекавших беременностей (две из них закончились родами), ранние смерти малюток-дочерей ещё более утяжелили здоровье Императрицы [3]. После большой и триумфальной поездки по Европе в 1815 году, когда праздновалась блестящая победа коалиции над Наполеоном I, государыня редко покидала Петербург и его ближайшие окрестности. Известно, что одним из поводов выезда Августейших супругов в Таганрог была попытка улучшить здоровье Императрицы отдыхом у кожного моря (с вывозом из зимнего ненастного Петербурга). Увы, всё случилось по-другому...

Как нередко бывает, ценнейшие архивные находки обнаруживаются совсем не там, где их разыскиваешь. Работая в РГИА над описью № 2 фонда князей Волконских (№ 844), я внезапно обратил внимание на название дела № 7, исполненного на французском языке: «Протокол вскрытия тел Александра I и Елизаветы Алексеевны» [16]. И если результат исследования тела Государя многократно публиковался и обсуждался в научной литературе, то медицинские факты о вскрытии тела Императрицы в доступной литературе мне не встречались. Возвращаясь на обнаруженный документ глазами судебного эксперта и попытаемся оценить его подлинность.

Текст исполнен на одном листе, написанном с двух сторон, чётким, красивым, ясно читаемым почерком – высокоорганизованным, как говорят судебные эксперты [19]; оставлены широкие поля, соответствующие друг другу на титульной и оборотной

сторонах, выделены рубрики. Все буквы и цифры чётко различимы и не допускают двояких прочтений, так же как и знаки препинания. Чернила чёрные, несколько выцветшие.

Специалисты в области орфографии и синтаксиса французского языка заявили мне, что текст читается легко и не имеет грамматических ошибок, по стилю соответствует началу первой четверти XIX века. Тонкие штрихи, отсутствие клякс оставляют впечатление о том, что записи выполнены остро заточенным пером; полное отсутствие исправлений в столь ответственном и сложном по содержанию документе свидетельствуют о том, что перед нами – не подлинник, а копия, исполненная, скорее всего, чиновником – каллиграфом. Остается немного – оценить подпись под текстом. Почерк её – совершенно иной, чем основного документа. Буквы читаются с трудом, первые две сливаются, накладываясь одна на другую, как это часто бывает в автографах. Знаки деформированы, по размерам, наклонам штрихов не соответствуют основному тексту, несут элементы «скорописи». И всё же подпись читается: *Stoffregen!*

Фамилия исполнена по-немецки. Неужели перед нами подпись лейб-медика Императрицы? Остальное было делом техники – обнаружить заведомо известный автограф К. Штоффрегена. Их в архивах РГИА обнаружилось много: в денежных и орловских расписках (о получении и уплате различных сумм). Подписи оказались идентичными автографу под копией протокола вскрытия тела Императрицы^[9].

Итак, перед нами – подлинный исторический документ. Как попал он в фонд князей Волконских? Наиболее рациональная версия – светлейший князь П.М. Волконский был одним из ближайших Августейшей чете людей, всемогущим Министром Императорского двора. По какому-то прищиву он пожелал иметь в своём личном архиве копии протоколов вскрытия Александра I и его супруги...